

Истории из моего блокнота

Горяев — художник мирового масштаба.

Созданное им столь огромно, разнообразно и прекрасно, что давно уже стало важной частью духовной культуры человечества.

И при этом он художник глубоко национальный.

Линия Горяева

Из записной книжки. 8 февраля 1980 г.

Сегодня пережил, может быть, самые волнующие, яркие, радостные мгновения. Да что там, если откровенно, то выставка Горяева, открывшаяся на Кузнецком мосту в связи с его семидесятилетием, потрясла. И, уверен, не меня одного. Уж вроде бы за эти годы достаточно хорошо узнал и его самого, и сделанное им, но собранное в этих залах, соединенное какой-то удивительной связью — времен, судьбы, жизненного сюжета, — сделало очевидным, что он гениальный рисовальщик.

Дома листал каталог, подаренный Виталием Николаевичем, и обнаружил, что у меня есть авторитетнейший единомышленник в оценке Горяева-иллюстратора. Ну, конечно же, это — Ираклий Луарсабович Андроников, который просто не мог пройти мимо горяевских рисунков к Гоголю. Остановился, поглядел и сказал:

«Нет сомнения, что «Петербургские повести» Гоголя с иллюстрациями Виталия Горяева принадлежат к высшим достижениям мировой книжной графики. Это больше, чем иллюстрация. Это — новое высокое достижение величайших созданий литературы...»

***

Прошло пятнадцать лет, а я до сих пор помню во всех деталях радостную суету и дух высокого торжества, что царили тогда в выставочном зале на Кузнецком. Помню, как счастливо и смущенно улыбался Виталий Николаевич, словно было неловко ему, что столько знаменитых и, должно быть, весьма занятых людей оторвал от серьезных занятий ради праздного созерцания его «картинок». А публика... Публика была счастливо ошарашена увиденным.

...Я познакомился с ним в журнале «Юность», где долгие годы был он членом редколлегии, точнее — одним из тех столпов, или, как говорил Ираклий Андроников, фундаторов, которые и составляли сущность уникального этого журнала, питали его магнитное поле животворной энергией таланта, порядочности, высочайшей нравственности. Большой, красивый, весь какой-то серебряный от белой своей головы, от хемингуэевской бороды, часами сидел этот удивительный человек на продавленном скрипучем диванчике в кабинете Полевого и вел неторопливые беседы ни о чем, точнее — обо всем. Мне не только порой позволялось присутствовать, но иногда и участвовать в этих диалогах, ибо собеседники были одновременно и признанными классиками, и старыми друзьями, и натурами демократичными, открытыми, не терпящими субординации, но, однако, и не позволяющими амикошонства, фамильярности.

Он мало и неохотно рассказывал о себе. И в долгих редакционных беседах, и в дружеском застолье после обсуждения очередной выставки на стендах «Юности», и в его мастерской на Беговой, под самым небом. Говорил о жизни, о работе — своей и своих товарищей, спорил, заводился. Никогда не выбирал изящных выражений, но сказанное им было значительно и интересно. Он был философом по складу ума. Потом, много позже, я понял, что Бог дал ему еще

и незаурядный литературный талант. Вот образец его письма:

«Немаловажную роль, мне кажется, сыграл в моей жизни и цирк с собственным малоудачным дебютом в цирке Сальвини на Дальнем Востоке в роли акробата. Но главное было потом, в этом «потом» появился совсем не цирковой Юрий Олеша, но весь мир, окружавший его, казался мне цирковым. Впервые помню его на репетиции Мейерхольда. Он сидел, свернувшись клубочком, в углу большого кожаного кресла. А на сцене Мейерхольд ругал актера за то, что он не знал, сколько его шагов укладывается в ширину рампы...»

Мальчишка из сибирского городка, художник газеты «Забайкальский рабочий», неудавшийся цирковой акробат, он в 1929 году приехал в Москву, поступил в Высший художественно-технический институт, потом учился в полиграфическом, плавал на агитпароходе, рисовал плакаты и карикатуры, долго и плодотворно сотрудничал с «Крокодилом», который любил до последних дней своей жизни, был главным художником журнала «Фронтовой юмор», получил Государственную премию СССР за иллюстрации к Гоголю и Большую золотую медаль в Лейпциге за рисунки к Достоевскому, удостоился звания народного художника России, объехал половину планеты, сделал несколько десятков тысяч рисунков, заново открыл нам величайшие шедевры мировой и отечественной литературы своим волшебным пером и карандашом, фломастером и кистью...

Он был величествен и велик. И те, кто знал Виталия Николаевича близко, поклонялись ему как истинному Мастеру. Но, вместе с тем, в нем не было ничего от ложного величия, внешних его атрибутов — ни в поведении, ни в одежде, ни в речах. Казалось, любой может с ним быть в друзьях. Но это только казалось: он был очень разборчив в людях, четко и тактично держал дистанцию с теми, кого не хотел подпускать близко, самостоятелен, порой резок в суждениях. Слушать его выступления на обсуждениях выставок молодых художников в залах журнала «Юность» было наслаждением. Как жаль, что никто не записал эти мудрые речи! Они могли бы стать учебником для тех, кто пытается идти на Олимп своей дорогой.

Горяев был московским человеком. Он очень любил этот город и со временем сам стал одной из его примет. Но еще больше Виталий Николаевич любил свой дом в Абрамцеве. Вот что он писал о нем:

«Несколько лет назад я обзавелся небольшим клочком земли. Ежи, кроты и лягушки любят мой участок, стрижи и воробы устроили гнезда за наличниками окон, дятел стучится в углу дома под карнизом, вечером через выбитое слуховое окно вылетают на охоту за комарами летучие мыши.

Говорят, что я здорово запустил свой дом. Не знаю. В нем весело и тепло. Хорошо моей жене, моим детям и внуку».

...Мы сидели в его мастерской, пили чай и разговаривали. Перед нами лежали горы папок с рисунками. В ту пору Горяеву шел уже восьмой десяток, а он, словно только что приехавший из Кургана мальчишка, мечтал о новых работах.

— Вот закончу «Мертвые души» и опять вернусь к Пушкину. Его на всю жизнь хватит, потому что прикоснулся он к непостижимым глубинам человеческой психологии и соединил их с глубинами творчества...

Уходя, уносил я свернутый в трубку портрет Пушкина. «Выбирайте, какой понравится», — сказал он, раскрыв одну из папок. Я взял болдинский. «И мне он нравится», — улыбнулся Виталий Николаевич.

И еще осталось у меня несколько книг, подаренных Горяевым. На одной из них написал он слова, которые греют сердце: «Алексей Степанович! С вами интересно! И поэтому я люблю вас!»

***

Горяевская линия гениальна. И. Голыцын сказал о ней: «Для работ Виталия Николаевича характерна эта прокалывающая пространство и задающая зрителя линия». Добавлю: задающая душу зрителя линия.

Алексей ПЬЯНОВ

Иллюстрация В. Горяева к роману Ф. Достоевского «Идиот».